

Litera

Правильная ссылка на статью:

Аринова Б.Н. — Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.38583 EDN: TOJBWQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38583

Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя

Аринова Байрата Николаевна

ORCID: 0000-0002-5598-0718

Старший преподаватель, кафедра Иностранных языков, МГУ им. М.В.Ломоносова, Юридический факультет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

 b.arinova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.38583

EDN:

TOJBWQ

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2022

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает письменный судебный дискурс Великобритании. Предметом исследования является law report – краткий отчет о вынесенном решении, публикуемый в открытых источниках и судебных сборниках. Данные тексты фиксируют наиболее важные решения высших судебных инстанций. Подробный юридический анализ и трактовка применимых источников права в судебном решении приобретают вид компактного сжатого текста, с точным и последовательным изложением аргументации суда. Тексты судебных отчетов являются образцом современного письменного юридического языка, в них вновь и вновь актуализируются принципы и нормы общего права. Как единица дискурса судебный отчет – это с одной стороны комплексный речевой акт, с другой стороны – это текст, который несет определенное риторическое (прагматическое) воздействие на читателя. Применяя метод лингвистического анализа, автор анализирует презентацию события в ходе аргументации и выявляет различные дискурсивные механизмы взаимодействия между автором и читателем. Автор считает, что такие характеристики можно поделить на ретроспективные и проспективные в зависимости от их риторического воздействия на читателя. В частности, автор анализирует функциональный статус и прагматическое

значение таких явлений как косвенная речь, придаточные условия, глаголы эпистемической модальности. По мнению, автора анализ таких характеристик может существенно дополнить изучение интертекстуальности (диалогичности) письменного судебного дискурса, и соответственно расширить наше понимание формирования и влияния правового контекста.

Ключевые слова:

язык права, судебный дискурс, судебный отчет, диалогичность, механизмы дискурсивного взаимодействия, юридический дискурс, характеристики дискурсивной ретроспекции, характеристики дискурсивной проспекции, косвенная речь, эпистемическая модальность

Введение

Предметом обсуждения являются тексты судебных решений, публикуемые в судебных сборниках судов Великобритании. В таких сборниках представлены краткие версии решений, именуемые *law reports* (далее *судебный отчет*).

Публикация судебных отчетов получила широкое распространение в 19 веке в силу стремительного развития судебной практики англо-саксонской системы права. Согласно выработанным принципам не все судебные решения попадают в сборники: только те, которые вводят новый юридический принцип или правило, или значительно меняют существующий принцип или правило; решения, которые вносят ясность в вопросах, связанных с надлежащим толкованием закона, и иные важные решения [4, с.35]. Со временем также сформировались высокие требования к составителям судебных отчетов: точное и последовательное изложение; ясный, недвусмысленный стиль изложения; оперативная подготовка (вскоре после оглашения решения) [4, с.35]. Практика составления судебных сборников претерпела значительные изменения — современные судебные отчеты можно назвать образцом письменного юридического дискурса.

Как предмет лингвистического исследования данные тексты представляют большой интерес, так как их изучение позволяет расширить наши представления о судебном дискурсе системы прецедентного права Великобритании. В частности, мы проанализируем различные элементы текстов судебных докладов, составляющие более широкое дискурсивное явление — диалогичность или полифония. Диалогичность в письменном дискурсе скорее имеет форму внутреннего диалога, в котором содержание одного высказывания зависит от предыдущего, т.е. под диалогичностью мы подразумеваем процесс конструирования дискурса при помощи различных лексико-грамматических и синтаксических средств. На наш взгляд к таким элементам текста можно отнести не только средства, обеспечивающие когезию текста (например, референциальные выражения, цитаты, и т.д.) т.е. тех явлений, которые выстраивают обратную перспективу изложения, обозначая тему повествования и связывая между собой смысловые элементы повествования. К ним также относятся средства проспективного изложения или дискурсивного взаимодействия автора и читателя, позволяющие читателю участвовать в процессе повествования. Иными словами, наша цель — рассмотреть процесс конструирования дискурса прецедентного права через призму лингвистических явлений и их прагматического значения в рамках письменного дискурса.

В данной работе мы проанализируем функции косвенной речи и условных предложений в судебных докладах. Под косвенной речью мы понимаем предложения, состоящие из двух частей: 1) то, что сообщается; 2) именные конструкции, указывающие на лицо, которое передает сообщаемую информацию, [\[8, с.124\]](#) например, « [They said] [they would endorse the proposal]». Условные конструкции включают сложные предложения с придаточными условиями с контрафактуальным значением.

И косвенная речь, и условные предложения создают определенный риторический эффект отстранения, при этом условные предложения также рассматриваются нами как средства проспективного конструирования дискурса.

Основная часть

Косвенная речь в судебном отчете — это с одной стороны, его сущность, т.к. это свидетельство третьего лица о произошедшем событии, с другой, косвенная речь имеет функциональное значение в тексте судебного доклада, являясь его лингвистическим обрамлением. При помощи косвенной речи автор структурирует свое повествование, выборочно показывая наиболее важные, на его взгляд, смыслы исходного сообщения, автор также взаимодействует с читателем, т.к. его изложение должно быть достоверным и последовательным. Иными словами, косвенная речь имеет не только грамматическую функцию, но и pragmatische, —то есть ее значение выходит за рамки отдельного предложения. Tannen (2007) описывает косвенную речь как «сконструированный диалог» - повторение или воспроизведение уже прозвучавшего отрывка в новой речевой ситуации, тем самым разграничивая косвенную речь и цитаты (прямую речь), которые по общему представлению дословно воспроизводят исходные высказывания [\[10, с.17\]](#). Такое понимание косвенной речи также подразумевает, что автор изложения фактически создает новый текст с определенными смыслами и рамкой их восприятия, нежели просто ссылается на те или иные высказывания [\[7, с.52\]](#). Повествование в косвенной речи подразумевает, что у автора есть относительная свобода усмотрения, т.е. нет обязательства точно воспроизводить оригинал, в то же время его изложение должно быть точным и достоверным, т.е. не искажать исходное высказывание.

В судебном отчете косвенная речь выполняет функцию презентации (demonstration) и доказательства или подтверждения (endorsement). Функцию презентации иногда связывают с функцией прямой речи, а именно с использованием цитат. Кларк и Герберт описывают различные характеристики цитат: цитаты представляют некий референт (событие, высказывание), нежели описывают его; цитаты имеют большее варьирование в устном дискурсе, нежели в письменном; цитаты необязательно имеют лексико-синтаксическую форму (*non-linguistic quotes*); цитирование подразумевает нейтральность позиции говорящего, то есть говорящий не несет ответственности за содержание сообщения (прямое цитирование); при цитировании мы переживаем опыт автора [\[5, с.786\]](#).

Интересным примером косвенного цитирования в судебном докладе является вступление (headnote), в котором автор предъявляет заключение суда относительно основного/-ых вопросов (legal issue/-s) и процессуальную предысторию. С точки зрения трансформаций текста-источника заключение — это так называемый «перевернутый» вопрос (*a reversed issue*). Сравним два отрывка, один из судебного решения (СР), второй — из судебного отчета (СО).

СР: *The central issue on this appeal is whether, in general, a person under criminal*

investigation has, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to that investigation [\[15\]](#).

CO: *A person under criminal investigation had, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to the investigation* [\[11\]](#).

Как мы видим, автор судебного отчета меняет исходный косвенный вопрос на утверждение, демонстрируя результат судебного разбирательства. Безличная, нейтральная формулировка заключения придает ему вид обобщающего высказывания. Отделяя заключение в самостоятельное предложение, автор судебного отчета придает ему вид свободной цитаты [\[5, c.787\]](#), в то же время автор судебного решения вводится во втором предложении, но уже в составе сложного предложения. Основным маркером косвенной речи является сочетание **so held**: где *so* — выполняет референциальную функцию, заменяя предыдущее предложение, *held* вводит цитируемое сообщение. Полный вариант вступления (headnote) представлен далее:

Example A

- S1   *A person under criminal investigation had, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to the investigation.*
- S2   *The Supreme Court **so held** in **dismissing** the appeal of the defendant, Bloomberg LP, from a decision of the Court of Appeal (Lord Justice Underhill, Lord Justice Bean and Lord Justice Simon) (*The Times*, June 30, 2020; [\[2020\] EWCA Civ 611](#)) **upholding** the decision of Mr Justice Nicklin ([\[2019\] EWHC 970 \(QB\)](#))**who had granted** judgment to the claimant, ZXC, for misuse of private information and awarded him an injunction and £25,000 in damages. Antony White QC and Clara Hamer for Bloomberg; Tim Owen QC, Sara Mansoori and Edward Craven for ZXC [\[11\]](#).*

Процессуальная история представляет собой краткую аннотацию описываемого события – она описывает исторический фон судебного решения, для читателя же – это ориентир, указывающий на достоверность и весомость (reliability and authority) судебного отчета, а также иллюстрация прототипа “процессуальной истории”, т.е. общепринятой последовательности инстанций рассмотрения апелляций. Основные смысловые элементы этого прототипа выражены глаголами, обозначающими процессуальные действия ‘allow the appeal’, ‘dismiss the appeal’, ‘uphold the decision’, ‘grant judgment’, ‘award an injunction’. Прагматическое значение процессуальной истории заключается в том, чтобы придать силу (validate) решению Верховного Суда: все ранее принятые решения можно рассматривать как необходимые предварительные условия наступления окончательного решения.

Еще одна функция такой аннотации – именование или расстановка основных участников судебного разбирательства: *the defendant, Bloomberg LP; Antony White QC for Bloomberg; the claimant, ZXC; the Supreme Court; the Court of Appeal etc.*

Акцентируя внимание на аргументации суда, составитель судебного отчета “обезличивает” повествование, используя референциальные выражения (полные именные конструкции и местоимения) вместо имен собственных. Трансформируя прямую речь в косвенную при помощи референциальных выражений, автор судебного отчета

также дистанцируется от оригинального сообщения, т.е., являясь сторонним наблюдателем (*neutral observer*), он прежде всего описывает мнение суда, показывая, что он не вовлечен лично в то, что он описывает [8, с.133]. Например:

CP: Before this court Mr Westaway for CPRE-Kent advanced arguments which in their essence were ...

CO: Before the Supreme Court Counsel for CPRE Kent advanced arguments which in their essence were ... [11]...

Дистанция между автором и сообщением и читателем намного меньше в тексте судебного решения, где часто используются утвердительные конструкции [личное местоимение + глагол] в настоящем времени. Повествование от первого лица подразумевает намерение, обязательство (*commitment*) автора писать / говорить искренне и ясно.

Например:

CP: I discuss Coulson LJ's reasoning in paras 28-29 below.

CP: For the reasons which I set out below, I am satisfied that it has not and that the appeal must be dismissed [16].

Вступление (headnote) к судебному отчету по своей структуре напоминает высказывание, состоящее из цитаты и отсылки к говорящему. Начиная повествование с решения, составитель отчета отклоняется от линейного изложения текста-источника (судебного решения), выдвигая на передний план новую информацию. Это, с одной стороны разворачивает текст к читателю, (в первую очередь, к юристам, которые могут цитировать решения в аналогичных делах), с другой стороны, это говорит о том, что составитель судебного отчета не воспроизводит текст судебного решения, а перерабатывает его для целевой аудитории, выдвигая на первый план те элементы судебного решения, которые образуют основную линию аргументации суда.

***

Во второй части судебного отчета автор дает краткое описание фактов, представляет позицию заявителя, ее правовую оценку, а также оценку решений нижестоящих судов относительно принципов права, применимых источников и прецедентов. Процесс аргументации включает в себя множество иллютивных актов, включая допущения, сравнения, объяснения и констатацию, т.е. динамика рассуждения реализуется при помощи различных лексико-грамматических средств (модальность, конструкции с контрафактуальным значением, отрицательные конструкции). Автор таким образом демонстрирует читателю возможные и невозможные линии аргументации, вовлекает его в процесс рассуждения, мотивируя читателя выдвигать свои гипотезы, догадки о том, каким может быть ответ судьи. Такие предложения вводят предположения, открывают читателю другую точку зрения, иную перспективу. В то же время, автор демонстрирует читателю степень юридической неопределенности, которую можно свести к минимуму, если рассмотреть ситуацию с разных позиций и найти правильный угол зрения. В английском языке значения вероятности, возможности, и необходимости относят к категории эпистемической модальности. В контексте правовой аргументации глаголы эпистемической модальности часто используются в составе предложений с придаточными условиями.

Example C

CO: If the appeal succeeded, the legal landscape regarding the remedies available in discrimination and victimisation cases would change significantly. Although the jurisdiction of employment tribunals was derived entirely from statute, the effect would be that an interim remedy would be created in a far wider range of cases than those expressly provided for by parliament [12].

В Ex.C сложноподчиненное предложение с условным придаточным описывает цепочку возможных последствий (ripple effect) в рамках регулирования. Модальный глагол *would* не только обозначает контекстуальный грамматический перенос формы будущего времени в прошедшее, но и выражает эпистемическую модальность т.е. уверенность говорящего в наступлении описываемых последствий.

Кроме собственно придаточных условия можно также отметить примеры косвенного или редуцированного условия. В примерах из другого судебного отчета Ex.D фразы '*on the claimants' approach*' и '*on that approach*', можно_перефразировать как в '*if we accepted / took the claimant's approach*'. Эти предложения также вводят новые возможные ответвления ситуации.

Example D

CO: On the claimants' approach, one might have expected such criteria (if intended to have the uniform and prescriptive rigidity that they advocated) to be set out in the Dublin III Regulation, or in some other European law act.

At all events, it would appear that, on that approach, all member states should be expected to have the same, or substantially the same, objective criteria in the national law of each of them [13].

Конструкция с модальным глаголом – *one might have expected* – выражает логически обусловленное (inferential), но маловероятное допущение. Низкая вероятность такого допущения далее усиливается следующим логически обусловленным допущением – *member states should be expected to have* – глагол *should* (форма *shall* в прошедшем времени) выражает деонтическую модальность, то есть в нашем контексте подразумевается возможное обязательство для стран ЕС, которое можно вывести из позиции заявителя.

Глагол **expect** в обоих предложениях описывает ожидаемые или возможные действия, что также направляет внимание читателя на возможные последствия в связи с позицией истца, и косвенно указывает на непрочность тезиса его аргумента. Как мы видим, при помощи придаточных условия и средств эпистемической и деонтической модальности автор выстраивает возможный сценарий развития событий. Показывая слабые стороны аргументации заявителя, автор выводит читателя за рамки рассматриваемой ситуации, как бы настаивая на необходимости рассмотреть то, что могло бы произойти. Такие конструкции, на наш взгляд, можно отнести к средствам *проспекции*, так как они создают новые проекции той или иной ситуации, чтобы читатель мог не только следить за ходом рассуждения, но и предугадывать его.

Другие сочетания с союзом **if** могут указывать на низкую вероятность описываемого события.

Example E

1. It was the potential for future emotional and psychological harm arising, either directly

from the fact, if fact it be, that the surviving parent had caused the death of the other [17] ...

2. In each case it would be a matter for the judge in the family court to decide, in the circumstance of each individual case, whether some or all of the issues that related directly to the death needed to be investigated in the family proceedings and, if possible, determined [17].

3. It did not follow that it would also be necessary for the court to determine precisely how the death had occurred and the role, if any, that the surviving parent had played in it [17].

Приведенные примеры указывают на вероятностный характер аргументации, т.е. «она практически никогда не приводит к формированию абсолютно истинной и однозначно понимаемой позиции» [20].

При помощи предложений с контрафактуальным значением в контексте аргументации автор проводит “мыслительный эксперимент” [4, с.15-18] с целью продемонстрировать, подтвердить или объяснить определенное утверждение. В Ex. F автор, описывая применимые правила (the rules), выстраивает обратную перспективу событий, которые привели бы к заключению договора (the contract / agreement). Эти события являются необходимым условием применения описываемого правила к рассматриваемой ситуации (the present case).

Example F

Part 1. First, the rules relating to rectification of a commercial contract assumed that the parties had, in some sense, negotiated that contract. The rationale of the authorities was that **there would have been exchanges** or discussions that led to the written agreement in question.

Part 2. In the present case, there had been no such discussions on the trial judge's findings, and more importantly, nor could there have been. [14]

Если выделить контрафактуальное высказывание из первых двух предложений (Part 1), то получится следующее высказывание: *If the parties had negotiated the contract, they would have had exchanges or discussions that led to the written agreement in question.*

Хотя грамматические формы в данном предложении, как правило, описывают ситуации в прошлом, в рассматриваемом отрывке конструкция “would have had”, на наш взгляд, также описывает то, как автор оценивает рассматриваемую ситуацию (the present case). Иными словами, используя контрафактуальные конструкции, автор “отрицает” возможность применения правила к рассматриваемой ситуации. В второй части (Part 2) автор уже констатирует невозможность применения правила, используя утверждение “*there had been no such discussions*”, которое затем усиливается при помощи отрицательной конструкции с модальным глаголом “*nor could there have been*”.

Контрафактуальные конструкции в Ex.E представляют собой неполные контрафактуальные предложения. Выбирая отдельные контрафактуальные конструкции, автор намечает ту линию рассуждения, которая более важна в контексте рассматриваемой ситуации; соответственно, читатель, ориентируясь на контрафактуальные рассуждения участует в “мыслительном эксперименте”, может предугадать вывод.

В данной части работы мы рассмотрели примеры дискурсивного взаимодействия автора и

читателя в письменном судебном дискурсе, выраженные при помощи средств косвенной речи, конструкций со значением эпистемической модальности и контрфакутальности, а также придаточных условия. Все перечисленные средства часто составляют отдельный вид иллокутивного речевого акта – “inferential” – в силу их особого риторического (перлокутивного) воздействия на читателя. Используя средства косвенной речи, придаточные условия, а также конструкции с глаголами эпистемической модальности, автор также отстраняется или дистанцируется от объекта повествования, – сокращая или увеличивая риторическую дистанцию автор конструирует различные направления (ретроспективное и проспективное) дискурса, это отчасти объясняет когнитивную сложность судебных отчетов.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что обсуждение обозначенных лингвистических характеристик судебных отчетов имеет несколько перспективных направлений. В частности, одно из них может быть связано с изучением роли автора в письменном судебном дискурсе и механизмов дискурсивного взаимодействия автора и читателя, которые конструируют дискурс. Несмотря на то, что тексты судебных отчетов и судебные решения имеют общие дискурсивные характеристики (иерархичность, институциональность, формальный юридический язык, стандартный вариант английского языка [\[2, с.7-21\]](#)), каждый судебный отчет – это новый текст, новое высказывание. Значительную часть в этом высказывании занимает правовая аргументация, однако в судебных отчетах правовая аргументация не сводится лишь к логическим приемам доказывания, «правовая аргументация всегда глубоко личностное индивидуальное рассуждение, проявляющееся в незнакомой, нередко и нестандартной ситуации» [\[3, с.21-25\]](#).

Продвигаясь по тексту читатель выявляет структурные связи внутри текста, (логические и референциальные связи) однако, понимание смысла текста как целой единицы подразумевает понимание не только функциональной роли средств лексико-грамматической связи, но и оценку их риторического эффекта в рамках текста – речь о воздействии (перлокутивной силе) на читателя, то есть текст – это дискурсивный процесс “проживания” смысла (*experiencing of meaning*) [\[9, с.15-17\]](#) осуществляется через взаимодействие автора и читателя. Иными словами, судебный отчет – это одновременно процесс взаимодействия автора и читателя, в нем прослеживаются диалогичность и динамика, выстраиваемые при помощи дискурсивных механизмов, и решение, которое становится частью более обширного дискурса прецедентного права.

Изучение прагмалингвистических характеристик судебных отчетов в британском судебном дискурсе очевидно приведет нас к анализу интертекстуальности [\[6, с.33-36\]](#) или пресуппозиций, «которые входят в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников» [\[1, с.84-89\]](#), то есть может вывести исследователя за рамки текста. Однако более глубокое понимание комплексных явлений, которые образуют, диалогичность юридического дискурса и процесса реконтекстуализации достигается прежде всего через анализ текста и тех дискурсивных механизмов, которые придают дискурсу осозаемую форму (*tangible form*).

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. 1973. Т. 32. Вып. I. С. 84-89.

2. Дубровская Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во "Академия МНЭПУ", 2010. С.351.
3. Пригарина Н.К. Риторическая аргументация. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. С.71.
4. Albrecht A., Danneberg L. First steps toward an explication of counterfactual imagination // Counterfctual thinking, counterfactual writing / Eds. Birke D., Butter M., & Köppe T. — Walter de Gruyter 2011. P. 12-30
5. Brian, M. The modern history of law reporting./ University of Melbourne Collections, issue 11,2012. P.32-36. Retreived from https://library.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0010/1379026/07_Bryan-LawReport11.pdf
6. Clark, H., Richard, G. (1990). Quotations as Demonstrations (p. 764–805). Language, vol. 66, no. 4.
7. Fairclough, N. (2004). Analysing discourse textual analysis for social discourse (p.270). London: Routledge.
8. Hodges, A. (2015). Intertextuality in discourse. In D.Tannen,H.E. Hamilton, Deborah Schiffrin (Eds.), The handbook of discourse analysis (p.42-61). Second edition. John Wiley & Sons.
9. Nikitina, T., Spronk, S. (2019). Reported speech forms a dedicated syntactic domain(p. 119-159). Linguistic Typology, vol. 23, no. 1, 2019. doi.org/10.1515/lingt-2019-0005
10. Sinclair, J. (2004).Trust the text. In M.Coulthard (Ed.) Advances in written text analysis(p.12-26). London: Routledge.
11. Tannen, D. (2007). Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational (p.234). Cambridge University Press.
12. <https://www.thetimes.co.uk/article/persons-right-to-privacy-when-under-criminal-investigation-2p5mhqh88> Law report: Person's right to privacy when under criminal investigation
13. <https://www.thetimes.co.uk/article/times-law-report-lack-of-interim-relief-in-employment-tribunal-for-sex-discrimination-claims-ds90w22bg>
14. <https://www.thetimes.co.uk/article/rules-for-detaining-asylum-seekers-compliant-with-european-union-law-db9pczjr7>
15. <https://www.thetimes.co.uk/article/lack-of-common-intention-between-family-prevents-rectification-of-land-registry-form-smh02dn8s>
16. <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2020-0122-judgment.pdf>
17. <https://www.casemine.com/judgement/uk/610924b92c94e0239c457edc/amp>
18. <https://www.thetimes.co.uk/article/criminal-law-concepts-do-not-apply-in-family-court-hearings-vqmtqw70g>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя» предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду как возрастающего интереса исследователей к изучению теории дискурса, так и ориентации иностранного языка в

прикладную область, в данном случае правоведение, которое имеет отличия в Соединенном королевстве от принятой у нас романо-германской модели права.

Предметом обсуждения являются тексты судебных решений, публикуемые в судебных сборниках судов Великобритании. Исходя из этого материалом послужили англоязычные тексты судебных решений. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако автор не приводит информации об объеме отобранных корпуса в целом, принципах отбора, однородности или неоднородности корпуса (временной, локальной). В списке литературы указаны исключительно ссылки на электронный вариант “The Sunday Times”, который доступен исключительно по абонементу, поэтому оценить качество текста и возможный объем корпуса не удается. Цель работы заявлено рассмотрение процесса конструирования дискурса прецедентного права через призму лингвистических явлений и их прагматического значения в рамках письменного дискурса.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве основных методов исследования применяются методы лингвистического анализа, как описательный метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод свободных ассоциаций, метод контекстного толкования примеров, метод количественной обработки данных и др. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в теории языкознания, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, входящим в перечень ВАК.